

ОТ АВТОРА

Судьба сделала меня специалистом по древней русской литературе. Впрочем, что значит «судьба»? Судьба была во мне самом: в моих склонностях и интересах, в моем выборе факультета в Ленинградском университете и в том, к кому из профессоров я стал ходить на занятия. Меня интересовали старые рукописи, меня интересовала литература, меня притягивала к себе Древняя Русь и народное творчество. Если сложить все это вместе и умножить на известную усидчивость и некоторое упрямство в ведении поисков, то все это вместе и открыло мне дорогу к внимательному изучению древней русской литературы.

Но та же судьба, жившая во мне самом, одновременно постоянно отвлекала меня от занятий академической наукой. По натуре я, очевидно, человек беспокойный. Поэтому я часто выхожу за границы строгой науки, за пределы того, чем мне положено заниматься по моей «академической специальности». Я часто выступаю в широкой печати и пишу в «неакадемических» жанрах. Меня волнует иногда то судьба древних рукописей, когда они заброшены и не изучаются, то древних памятников, которые разрушаются, я боюсь фантазий реставраторов, слишком смело иногда «восстанавливающих» памятники по своему вкусу, волнует судьба старых русских городов в условиях растущей промышленности, интересуется воспитание в нашей молодежи патриотизма и многое, многое другое.

В этой раскрытой сейчас читателем книге отразились многие из моих неакадемических волнений. Я бы мог назвать мою книгу — «книгой беспокойств». Здесь многое из моих беспокойств, и беспокойства я бы хотел передать моим читателям, — содействовать воспитанию в них деятельного, творческого — советского патриотизма. Не патриотизма, удовлетворяющегося достигнутым, а патриотизма, устремленного к лучшему, стремящегося донести это лучшее — и из прошлого, и из настоящего — до будущих поколений. Чтобы не ошибаться впредь, мы должны помнить о своих ошибках в прошлом. Надо любить свое прошлое и гор-

даться им, но любить прошлое нужно не просто так, а лучшее в нем, — чем действительно можно гордиться и что нужно нам и сейчас, и впредь.

Среди любителей старины очень часто встречаются коллекционеры, собиратели. Честь им и хвала. Ими многое сохранено, что попало затем в государственные хранилища и музеи, — подаренное, проданное, переданное по завещанию. Коллекционеры так и собирают — редкие для себя, чаще для семьи, а еще чаще, чтобы завещать затем музею, — в родном городе, селе или даже просто школе (во всех хороших школах есть музеи — маленькие, но очень нужные!).

Я никогда не был и не буду коллекционером. Я хочу, чтобы все ценности принадлежали всем и служили всем, оставаясь на своих местах. Вся земля владеет и хранит ценности, сокровища прошлого. Это и красивый пейзаж, и красивые города, а в городах свои, собранные многими поколениями памятники искусств. А в селах — традиции народного творчества, трудовые навыки. Ценностями являются не только материальные памятники, но и добрые обычаи, представления о добром и красивом, традиции гостеприимства, приветливости, умение ощутить в другом свое, доброе. Ценностями является язык, накопленные литературные произведения. Всего не перечислишь.

Что такое наша Земля? Это с невероятной, непредставимой скоростью мчащаяся в космическом пространстве сокровищница необычайно разнообразных и необычайно хрупких созданий человеческих рук и человеческого мозга. Я назвал свою книгу «Земля родная». Слово «земля» в русском языке имеет много значений. Это и почва, и страна, и народ (в последнем смысле говорится о Русской земле в «Слове о полку Игореве»), и весь земной шар.

В названии моей книги слово «земля» может быть понято во всех этих смыслах.

Человека создает земля. Без нее он ничто. Но и землю создает человек. От человека зависит ее сохранность, мир на земле, умножение ее богатств. От человека зависит создать условия, при которых будут сохраняться, расти и умножаться ценности куль-

туры, когда все люди будут интеллектуально богатыми и интеллектуально здоровыми.

Это идея всех разделов моей книги. О многом я пишу по-разному, в разных жанрах, в различной манере, даже на разном читательском уровне. Но все, о чем я пишу, я стремлюсь связать единой идеей любви к своей земле, к своей земле, к своей Земле...

* * *

Ценя прекрасное в прошлом, мы должны быть умными. Мы должны понимать, что, преклоняясь перед изумительной красотой архитектуры в Индии, совсем не обязательно быть магомбетанином, как не обязательно быть буддистом, чтобы ценить красоту храмов древней Камбоджи или Непала. Существуют ли сейчас люди, которые верили бы в античных богов и богинь? — Нет. Но разве найдутся люди, которые отрицали бы красоту Венеры Милосской? А ведь это богиня! Иногда мне даже кажется, что мы, люди Нового времени, больше ценим античную красоту, чем сами древние греки и древние римляне. Им она была слишком привычной.

Не потому ли и мы, советские люди, стали так остро воспринимать красоту древнерусской архитектуры, древнерусской литературы и древнерусской музыки, которые являются одной из высочайших вершин человеческой культуры. Только сейчас мы начинаем осознавать это, и то не в полной мере.

Разумеется, вырабатывая свое отношение и борясь за сохранение памятников художественной культуры прошлого, нужно всегда помнить, что, как писал Ф. Энгельс об исторической обусловленности формы и содержания средневекового искусства, «мировоззрение средних веков было по преимуществу теологическим... Церковь давала религиозное освящение светскому государственному строю, основанному на феодальных началах... Отсюда само собой вытекало, что церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления» (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т. 21, с. 495).

Ценя прекрасное в прошлом, защищая его, мы тем самым как бы следуем завету А. С. Пушкина: «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости...».

